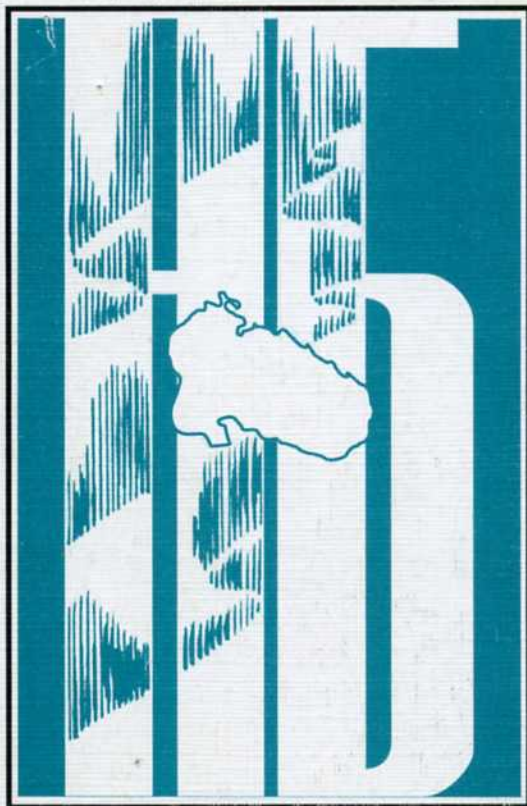

2 2005
АПРЕЛЬ

ISSN 1684-7466

НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
ДУХОВНАЯ
ПРАКТИКА

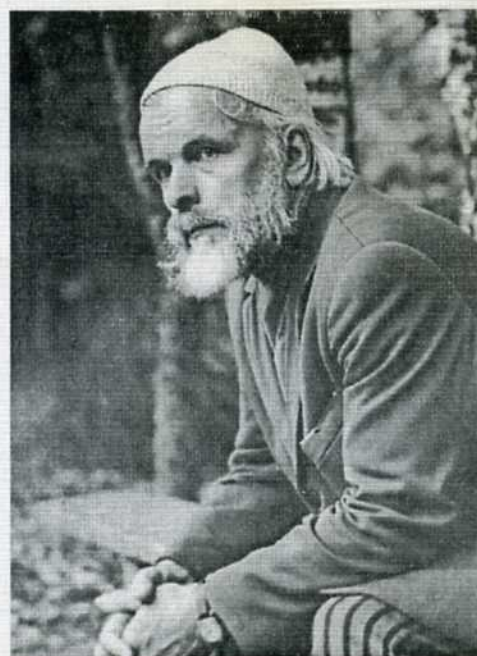
Украсный
мир
Дмитрия
Балашова

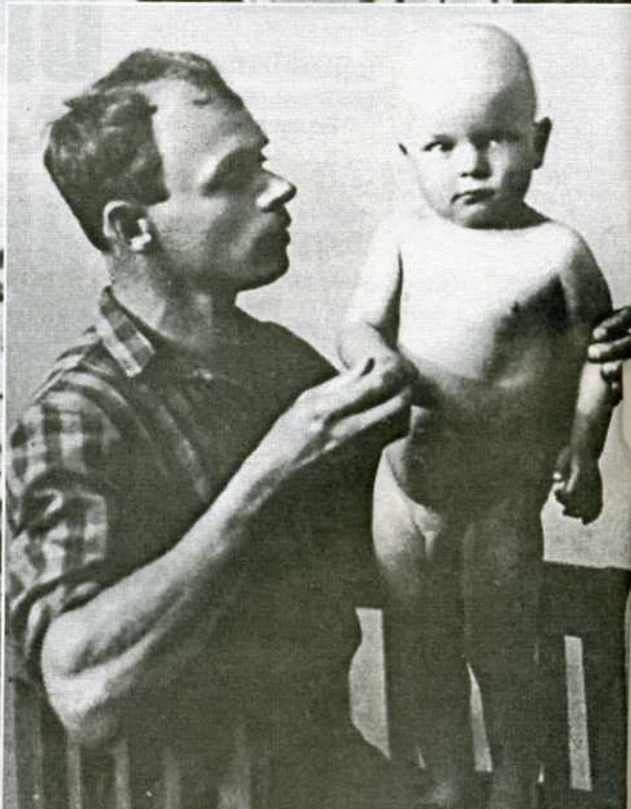
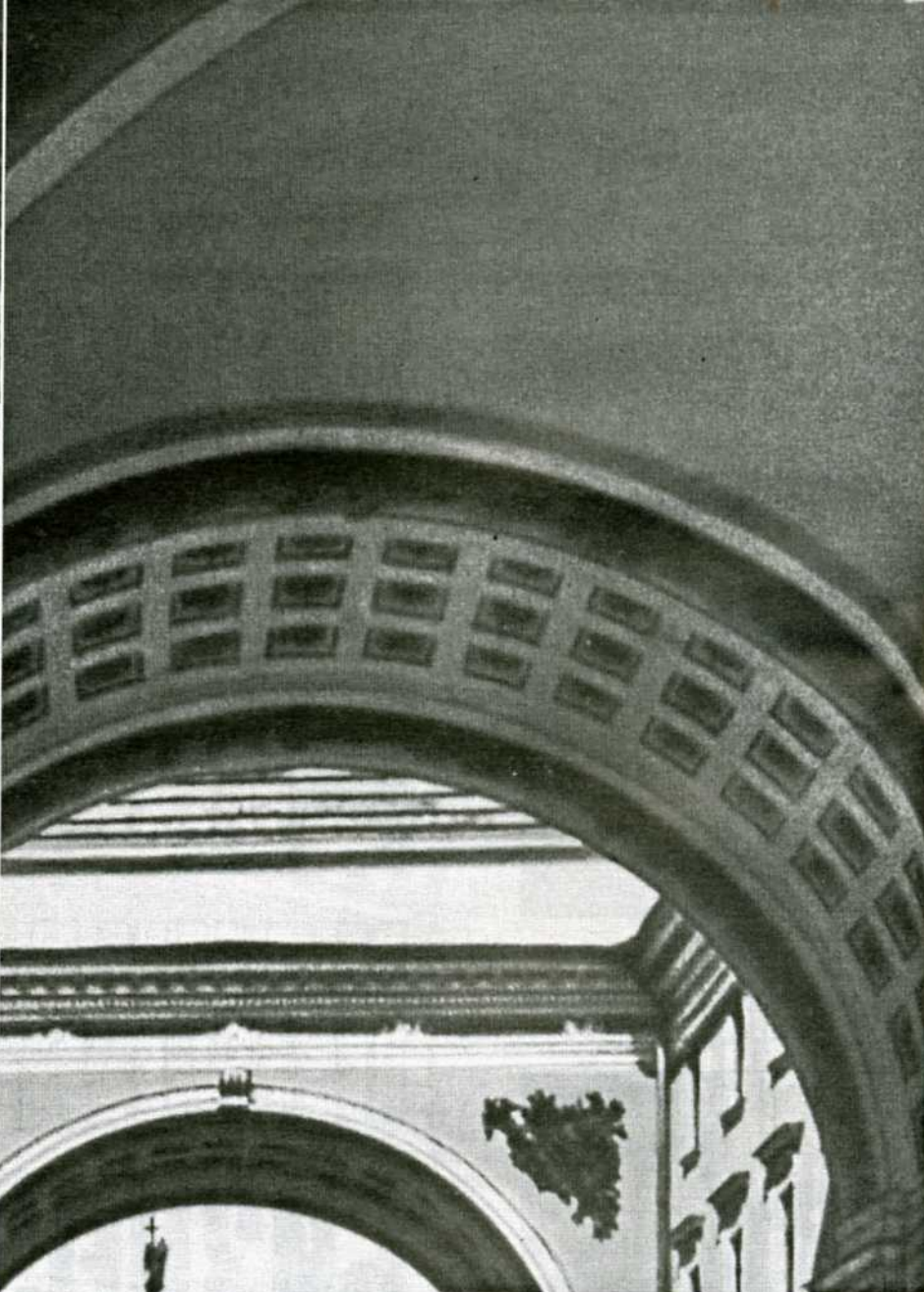
НАУКА

И

БИЗНЕС

НА МУРМАНЕ

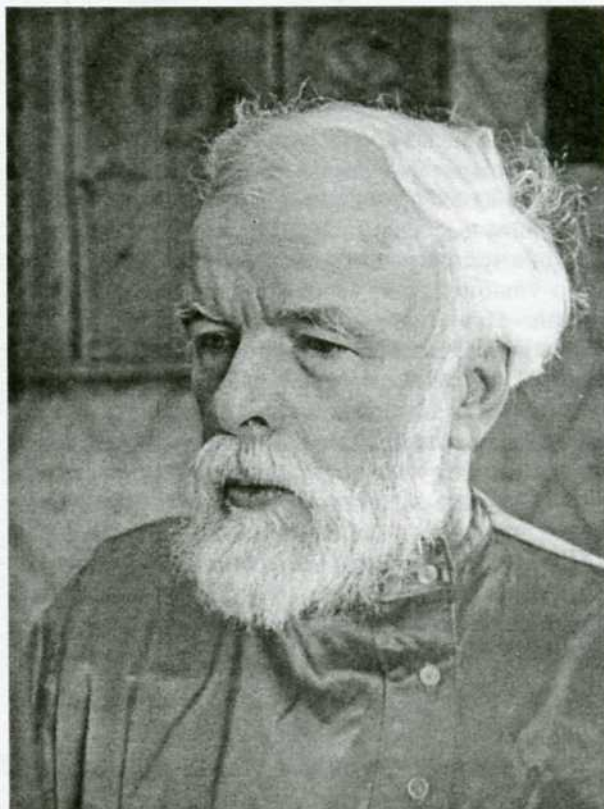
-
- ◁ Верхнее фото на стр. 4
Д. М. Балашов в фильме
«Господин Великий Новгород»
 - ◁ Автопортрет Д. Балашова
 - ◁ Д. Балашов в студенческие годы
 - ◁ Отец Михаил Гипси
 - ◁ Дюка с матерью
 - ◁ Большое фото — Ленинград
 - ◁ Нижнее фото на стр. 4
Первые шаги под руководством отца

ВСТРЕЧИ С ДМИТРИЕМ МИХАЙЛОВИЧЕМ БАЛАШОВЫМ

Н. Большакова

В 2005 году Мурманск будет проводить свой XX Праздник славянской письменности и культуры. Однако хочется вспомнить первый, проведенный в 1986 году в рамках Дней Баренцева моря. Тогда мурманские писатели пригласили принять участие в нем многих известных литераторов, в том числе и Дмитрия Михайловича Балашова. Он приехать не смог, но в поддержку мурманчанам прислал большую телеграмму, в которой говорилось: «...огромная роль Русского Севера в культуре России еще не исследована и не показана, не явлена миру в целом, в единстве своего неслыханного многообразия и, пожалуй, менее всего изучено значение Севера в развитии русской литературы, русской письменности, великого русского языка — потому от всей души приветствую ваше начинание, за коим верю последуют и другие, подобные ему. Шлю низкий поклон участникам Дня славянской письменности, Северу и северянам, с которыми знакомился с начала моей фольклорной работы, которыми очарован и в которых влюблен единожды и навсегда!»

В 1993 году, когда я впервые приехала в Союз писателей в Мурманск, услышала бурное возмущение Виталия Семеновича Маслова по поводу уничтожения брошюры Балашова «Стыдно». Почти весь тираж издания, как только о нем стало известно влиятельным лицам, пошел под нож. И небезосновательно, по мнению тех, кто этот тираж уничтожал. Заявить после событий у Белого Дома: «Но тот ли Ельцин с его командой диктатор, который нужен стране?» — это был Поступок! Поступок не только мудреца-провидца, но и смелого человека. Виталий Семенович подарил мне одну из спасенных брошюр с напутствиями прочесть и оценить того, кто ее написал.

1995 год. Мурманск празднует X Праздник славянской письменности и культуры. В гостиничном номере мы с Николаем Кольчевым ждем, когда секретарь Мурманской писательской организации Виталий Семенович Маслов познакомит нас с великим Балашовым. Но проходит с назначенного времени час, второй, третий... Мы с Колей сидим на полу, на ковровой дорожке, и мирно беседуем. Он потягивает из бутылки пиво, я ем банан. В это время распахивается дверь номера и входит небольшого роста седой человек с цепким пронизательным взглядом, а за ним появляется и Виталий Семенович с московским журналистом Владимиром Бондаренко. Мы, словно ужаленные, вскакиваем и приветствуем гостей. Быстро откланявшись, ухожу в свой номер. Разве я могла в тот момент как следует рассмотреть Дмитрия Михайловича? Запомнился только его небольшой рост, а в моем воображении он представлялся подобным былинному новгородскому богатырю Василию Буслаеву. Только на второй день в научной библиотеке, где проходил круглый стол, как следует и смогла рассмотреть знаменитого романиста. Седой как лунь, а лицо почти без морщин. Быстро и весело реагирует на юмор, смеется заразительно, по-мальчишески прищуривая небесно-голубые озорные глаза. Весь круглый стол я сидела напротив и не спускала с него влюбленных глаз.

Затем дорогих гостей мы принимали в Союзе писателей, где я вручала им подарки. Дмитрию Михайловичу — сделанную из кристаллов модель самского чума. Вручила, поцеловала в щеку. Он лукаво улыбнулся и, весело поглядывая на всех, сказал: «Нет уж, это я должен целовать вас за подарок и не мимоходом, а как полагается русскому мужику крепко в самые уста». Обнял и поцеловал. Ну, конечно же, все наши писатели заплодировали ему, а я, смущенная таким поворотом дела, спрятавшись в своих руках горящие огнем щеки. После вечера в Союзе общаться с ним мне уже было легко. В разговорах он нисколько не кичился своей знаменитостью. Не смотря на разницу в возрасте, тут же предложил перейти на «ты». Хотя в письмах мы обращались к друг другу на «вы» да и, начиная разговор, когда долго не встречались, тоже гово-

рили друг другу «вы» и только после нескольких фраз, вновь переходили на «ты».

Он рассказывал о своей жизни, о любви... И судили его, и не однажды хотели убить. Я спросила: «А не боишься, что кто-нибудь все же решится на это?» Ответил: «Наивно будет думать, что этого может не произойти». Слишком он неудобный для многих человек. И затем добавил: «Если так случится, я погибну, как многие мои герои, на поле сражения за Россию. Это лучше, чем немощность в старости».

В 1996 году В. С. Маслов с В. Л. Тимофеевым предложили мне написать заявление о приеме в члены Союза писателей СССР, но тут же предупредили, что к собранию, на котором будут рассматривать мое дело, необходимо предоставить три рекомендации: одну мог дать кто-нибудь из своих, но две должны быть от писателей других организаций. Написала Дмитрию Михайловичу и послала книгу своих сказок. Маслов, узнав об этом, возмутился: «Когда Дмитрию Михайловичу заниматься твоей рекомендацией?» Посоветовал обратиться к Айпину, но от Еремея Даниловича весточки так и не пришло, а вот Дмитрий Михайлович откликнулся. Виталий Семенович прочел письмо Балашова и, удивляясь, произнес: «Ну и счастливая ты, Надежда, коль рекомендацию в Союз писателей от самого Балашова получила. Помни это и не подведи его». Мне же в письме Дмитрий Михайлович писал: «Здравствуйте, Надежда! Проглядел вашу книгу с некоторым страхом — придраться есть к чему. Следовало бы над каждой сказкой посидеть, но это уже не для критики, а для дела. Рекомендацию вам даю, дерзайте! Будете впредь писать — старайтесь не впадать в умиление и в сентиментализм. И то и другое для настоящей литературы плохо. Даже у Достоевского плохо, а уж это — гигант! Писать надо жестче...»

В Петрозаводске на 60-летию журнала «Север» у нас с ним была последняя встреча. Он выглядел очень подавленным, усталым. Сказал, что в июле собирается поехать на машине по древнерусским городам, чтобы затем завершить работу над романом... но дописать его писателю не дали, оборвав жизнь подлым убийством. Духовная сила Балашова была столь сильна, что просто на испуг такого человека не возьмешь. Помню выступление Дмитрия Михайловича в Минском университете в 1997 году — гневную речь по поводу правящего тогда правительства России. И затем — незамедлительная телеграмма из МИДа, в которой говорилось: «Остановите Балашова!»

Кто для меня Балашов? Это и путевка в большую литературу, так как давал рекомендацию в Союз писателей, верил в меня, и конечно, человек, которого я и воспринимала именно как человека, личность и только потом как писателя, мыслителя, политика. Политика дело переменчивое, сегодня такая, завтра другая, а Россия держится, прежде всего, на любви.

Именно любовь к писателю позвала нас с Викторией Борисовной Бакула, учителем школы Царьгорода, или Оленегорска-2, принять участие в первых Балашовских чтениях в Великом Новгороде.

В долгой ночной беседе с вдовой Балашова Ольгой Николаевной мы узнали много нового, интересного. Оказывается, Балашов — это не наследованная фамилия и не псевдоним. Все началось в далеких 20-х годах. Настоящая фамилия отца Дмитрия Михайловича — Кузнецов. В свое время Михаил Кузнецов был артистом, очень увлекался футуризмом, состоял в различных кружках. Может быть, отсюда и появилась у него идея фикс — сменить фамилию. Приятелям рассказывал, что якобы является незаконнорожденным сыном английского лорда Гипси. Чтобы материализовать эту выдумку, даже паспорт поменял. Но однажды ему кто-то сказал, что «гипси-джипси» это цыган, у лорда подобной фамилии быть не может. Новоявленный Михаил Гипси вновь поспешил в паспортный стол — менять фамилию, теперь уже на Хипсей. Однако в 20-х годах, подобные «номера» могли кончиться плохо. В паспортном столе заинтересовались, почему человек приходит второй раз менять фамилию. Какое-то время Михаил Кузнецов хаживал в белогвардейцах, за что в Ярославле расстреляли его брата. Поэтому он благоразумно не стал настаивать на своем, но дома к Гипси неизменно прибавил Хипсей и стал носить двойную фамилию.

Когда у Михаила Гипси родился сын, он крестил его Дмитрием, так как тот родился в день Дмитрия Салунского, но назвал Эдвардом. Второго же сына окрестил Григорием, но в миру, так как очень любил Генрика Ибсена, нарек Генриком. Таким образом, в роду Кузнецовых появились Эдвард и Генрик Гипси.

Почти до шестнадцати лет Дмитрий Михайлович жил Эдвардом Гипси и терпел от сверстников постоянные подкалывания, из-за которых очень комплексовал. В блокаду в Ленинграде умерли отец, семья брата матери, после чего Анна Николаевна Гипси согласилась покинуть город. В эвакуации в Сибири Эдвард как-то подрядился помочь хозяину пилить дрова. Тот похвалил: «Хорошо, парень, работаешь. Зовут-то тебя как?» «Эдвардом», — отвечает. Мужик посочувствовал: «Эх ты, имя-то какое заковыристое. А работаешь хорошо», что и явилось последней каплей, и как только пришло время получать паспорт, Эдвард Гипси решил сменить все. Имя взял, данное при крещении — Дмитрий, фамилию — Балашов. Почему? А просто: ткнул пальцем в какой-то справочник с фамилиями и выпала эта, не очень распространенная.

Однако, несмотря ни на что, а может быть, и благодаря, Дмитрий Михайлович Балашов через всю жизнь пронес любовь к родителям: к отцу — Михаилу Гипси, и особенно — к матери Анне Николаевне.

В 70-х годах, узнав, что она умирает, он прилетел из Сибири в Ленинград и все последние дни сидел у ее кровати, читая вслух Чехова. После ее кончины три года из тяжелого дуба резал крест, собственноручно установил его на могиле матери, завещая и себя похоронить рядом с ней. Огорчался, что в последние годы редко удавалось съездить к ней на кладбище в Зеленогорск, далеко, да и не всегда получалось. Родители у Дмитрия Михайловича были людьми творческими: отец работал актером Ленинградского ТЮЗа и был человеком необыкновенно преданным театру. Сыграл главные роли в шести фильмах, которые, к сожалению, не сохранились, и эпизодическую — в «Чапаеве». Мама работала художником-декоратором в том же ТЮЗе. Наверно от них сын и унаследовал таланты в актерском мастерстве и художественном писании. Балашов снялся в картине Алексея Салтыкова «Господин Великий Новгород», где сыграл художника, спасавшего от уничтожения Новгородские древние храмы во время Великой Отечественной войны. Играл без грима, потому что был и так колоритен.

Ольга Николаевна призналась нам в том, что хочет в их квартире сделать музей Дмитрия Михайловича, оставив все как есть. И смета уже составлена, да только начальные люди не торопятся с сохранением памяти русского писателя, истинного борца за Россию.

По ее словам, в Бога Дмитрий верил и даже называл себя православным коммунистом. К вере стал приходить на Вологодчине, где преподавал в культпросветшколе, недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря. В Новгород первый раз приехал в 1947 году с краюхой хлеба и луковицей в кармане. Город лежал в руинах, не было ни одного целого здания, люди ютились в землянках, и кирпичи для строительства домов брали с разрушенных церквей. В доме Балашовых они тоже имеются. Дмитрий Михайлович пришел в церковь Спасана-Ильинке и стал копировать зарисовки фресок. Живописи он учился еще до войны у прекрасного художника Константина Александровича Кордобовского, с которым затем и после войны долго переписывался. Несколько лет назад жена Кордобовского прислала ему рисунки пятилетнего Дюки Гипси.

Это необычное имя — Дюка — имеет свою историю. Дело в том, что мать Дмитрия, Анна Николаевна, как рассказала Ольга Николаевна, когда ей показали новорожденного первенца, сказала: «Фу, дюка-то какой». В словаре Даля сказано, что дюкой в древности называли угрюмого, молчаливого человека, чем-то напоминающего медведя. И хотя Дмитрий Михайлович не был угрюм, но от хозяина леса унаследовал и хватку, и смелость, и силу. Так имя Дюка и прилепилось к нему. Правда, называть его так было разрешено только домашним и близким друзьям.

Мурманск. Памятник Кириллу и Мефодию

А мне вспоминается Славянский ход! Наша поездка из Мурманска в Черногорию. В автобусе «Россия» он сидел напротив меня. Когда пришло время обеда и нам раздали сметану, Дмитрий Михайлович, разрывая пакет, тут же умудрился ее пролить себе на кафтан. Беспомощно огляделся и остановил взгляд на мне. Затем в Кишиневе, я зашла к Виталию Семеновичу узнать время подъема на следующий день и вновь увидела умоляющие глаза Балашова. На этот раз он пролил на себя масло из банки рыбных консервов. Я скомандовала: «Дмитрий Михайлович, ты прямо как ребенок. Стягивай рубахи». Он послушно снял и, оправдываясь, произнес: «Понимаешь, Надька (он всегда меня так называл, по-доброму очень) я хотел масло прямо из банки выпить. Не выбрасывать же такую вкуснятину. Ну, а тут меня кто-то и задел...». Через полчаса принесла ему косоворотки чистыми и отглаженными. Но когда мне приходилось его обижать, то он в свою очередь успокаивал меня, когда я получала нагоняи от Виталия Семеновича. Говорил: «Ты, Надька, не обижайся на старика, ему больше всех достается». И после того, как он Масло называл стариком, хотя сам был на семь лет его старше, мне становилось весело, и обида проходила. Удивляла его неприветливость в быту. Ни разу Балашов не пожаловался на неудобства в авто-

бусе. А ведь мы одиннадцать ночей провели в нем. Подберет под себя ноги, свернется калачиком и заснет. А то в таком положении заметки дорожные начнет писать.

Помню, проезжали Румынию. Автобус остановили румынские полицейские, и хотя правил мы не нарушали, тем захотелось пожить. Пока водители выясняли причину остановки, некоторые из нас вышли из автобуса поразмять косточки. Стоит седобородый Балашов, в расстегнутом кафтане, косоворотке, сапогах хромовых, да еще на фоне надписи «Россия» на автобусе — колоритнее фигуры не придумаешь. Подходит к нему с автоматом румынский полицейский, наставляет оружие в грудь и имитирует звук пальбы: «Тра-та-та...», затем, коверкая слова, добавляет для пушей важности: «Русский стрелять». Дмитрий Михайлович даже глазом не моргнул, как будто и не в его грудь автомат румына нацелен был. Вот какая у человека сила духа была! А ведь никто не давал гарантий, что этот румын не выстрелит. На всем пути через их страну, они к нам настроены были, мягко сказать, не милостиво.

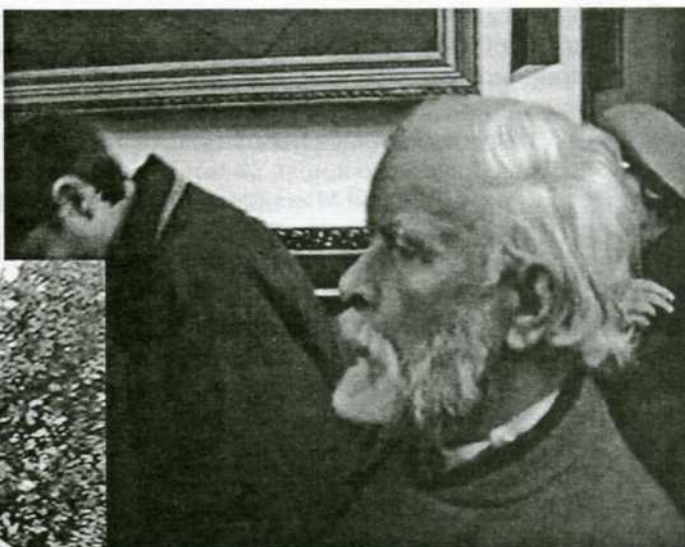
В письмах к Викдану Синицыну Дмитрий Михайлович писал: «...захотел Вам написать, хотя о чем, не ведаю. Прошлое отходит и становится все величественнее, сказочнее и неповторимее. Все-таки поездка была воплощенным чувством...

...поездка была незабвенная и дала столько впечатлений, что и на целую жизнь бы хватило. И — всеконечно влюбился в горы, в тамошние монастыри, в тамошнюю гостеприимность и в голубую незабвенную Адриатику... »

В 1999 году, приехав в Новгород, позвонила ему. «Не приму никаких отговорок. Жду, приходи», — категорически заявил Балашов. И мы с дочерью пошли. Дмитрий Михайлович встретил нас радушно. Выставил на большой деревянный стол, который, кстати, как и многое в доме, сделал своими руками, деревенскую еду: квашеную капусту, картошку, грибки, нарезал огурцов, помидоров, поставил кувшин молока, принес бутылку вина из черной смородины и стал угощать. Бойко орудовал деревянной ложкой, раскладывая в большие тарелки нехитрые угощения. Я с интересом наблюдала за ним. Впервые видела его в домашней обстановке. Радостно взъерошенного в своей неизменной косоворотке с босыми ногами... И возникало ощущение, что попала в одну из сцен его романа. Даже, помнится, сказала Дмитрию Михайловичу, выпивая из деревянного кубка вино: «У тебя, как у Пушкина: здесь русский дух, здесь Русью пахнет!». На что он незамедлительно ответил, что терпеть не может ничего западного в доме. Перекусив с нами, повел показывать свои хоромы. Сокрушался, что Ольга, жена, уехала к матери, а на даче огурцы «так поперли», что он не успевает их засаливать. И, правда, весь хозяйственный стол был заставлен трехлитровыми банками с огурцами.

СЛАВЯНСКИЙ ХОД «МУРМАН—
ЧЕРНОГОРИЯ». 1997

В. С. Маслов
и Д. М. Балашов

Д. М. Балашов

г. Свиштов (Болгария).
Крайняя справа —
Н. П. Большакова

Д. М. Балашов
и В. Л. Тимофеев

Затем читал свою новую рукопись, и после каждой прочитанной главы спрашивал меня, словно начинающий писатель: «Ну как, Надька, ничего, или, может, не пойдет такая откровенность в любви, которую я здесь пишу?» И я честно признавалась, что мне все было интересно и ново. А затем взяла и прямо спросила: «Дмитрий Михайлович, а почему стал описывать любовь теперь? Не связано ли это с возрастом, что уходит прежняя мужская сила?» Он учил меня быть предельно откровенной и потому совершенно не обиделся на мой вопрос, а так же откровенно ответил, что в моих словах есть доля правды. Да он старел, но это не означало, что ослеп, потерял голос, слух, обоняние. Может быть, именно в это время он и почувствовал все гораздо острее. Исчезли барьеры, комплексы... Появилась свобода. Наверно потому и о нашем Славянском ходе, и о своей там влюбленности написал так открыто. А может, чувствовал: не так-то много ему оставалось жить. И захотелось высказать то, что не давало покоя, сидело в душе занозой. Вспоминаю, как в Славянском ходе в Минске на фушетте, нам, женщинам, надоели бесконечные тосты и речи мужчин, и мы пошли танцевать. В. С. Маслов, увидев это, сказал очень недовольно: «Мы приехали дело делать, а не развлекаться». Тогда, чтобы нас поддержать, в круг вышел Дмитрий Михайлович Балашов. Широко, по-русски, раскинув руки, он как ни в чем ни бывало, пошел плясать. Да так здорово, так увлеченно, что даже Маслов сменил гнев на милость.

Необычайно интересным на первых Балашовских чтениях мне показалось сообщение Т. Н. Ярыш, представляющей Государственный архив новейшей политической истории Новгородской области, сохраняющий значительную часть документального наследия Дмитрия Михайловича Балашова. Татьяна Николаевна рассказывала, что в 1996 году Дмитрий Михайлович передал в архив свои первые документы — 56 коробок. Чтобы перевезти их, пришлось несколько раз к дому подгонять машину. И когда последние коробки были погружены, Балашов, глядя вслед машине, с удивлением произнес: «Неужели это я все написал?!»

Всего по сдаточной описи в архиве тогда числилось 944 условные единицы. Исходя из ценности и полноты документов, архив писателя отнесли к первой категории. Фонд Балашова на сегодня является самым многочисленным фондом в архивных учреждениях Новгородской области. А с профессиональной точки зрения — одним из самых интересных. Опись фонда состоит из нескольких разделов: рукописи книг (719 дел), документы фольклорных экспедиций, письма Балашова и письма к нему, биографические документы, документы о самом Дмитрии Михайловиче.

Первые повести и рассказы — «Культпросвет-школа», «Моя любовь», «Жизнь начинается с оши-

бок», «Жизнь и мечта» — относятся к периоду работы Балашова на Вологодчине и носят явно биографический характер. Они сохраняют не только юношеские размышления, но и его почти детский почерк. Некоторые рассказы тех лет явились, по словам Ярыш, откровением и для самого Дмитрия Михайловича. Когда он посмотрел каталог, то очень удивился: «Я такое писал?»...

Представлен в фонде Балашов и своими ранними трагедиями: «О склепе», «Дерсу Узала» (по одноименному роману Арсеньева), другими.

По этим его материалам, как отметила Ярыш, видно, что писателя интересовало все: русский фольклор, история русских городов, сохранность памятников культуры и архитектуры, место человека в обществе, вопросы эстетики и религии, градостроительство, древняя архитектура, история театра, новая деревенская проза, школьные программы, экология, смысл жизни и даже такая тема, как изменение пассионарного напряжения этнической системы. В архиве собраны статьи его путешествий по Монголии, Италии, Германии, Приднестровью, Сербии...

До того, как Балашов обосновался в Новгороде, он жил в Петрозаводске, откуда и начал свою творческую деятельность по сбору фольклора терских поморов. Выступил в защиту деревянных церквей, предназначенных к сносу местными властями, стал одним из создателей общества охраны памятников культуры, написал свое первое художественное произведение «Господин Великий Новгород». При доме в Чеболакше на берегу Онежского озера держал немалое хозяйство: две коровы, быка, лошадь, коз, огород, считая, что все это ему необходимо для отражения крестьянского быта в задуманной серии романах.

Но феномен писателя Балашова нельзя рассматривать только в одной плоскости, как исторического писателя, его деяния намного шире. Об этом прекрасно сказал доктор филологических наук Александр Горелов, прибывший на чтения из Пушкинского дома РАН. Заслуга Балашова, по его мнению, состоит в том, что он принимал и фольклор как глубинное явление для литератора. Высоко поднял планку научной основы фольклора и проводил свои изыскания в этой области с научной целью, а не самодеятельности ради. Балашов был особенно внимателен к слову людей, которые еще помнили язык и манеру исполнения, дошедшую из глубин предков, а не измененное современностью. Именно Балашов заложил первый кирпич в изучение фольклора и культуры народа на научной основе, разработки которой войдут в 30-томное собрание фольклорного свода. Народ исчезал своей глубинной памятью, а Балашов эту память по крупицам возвращал к жизни и восстанавливал в своих научных исследованиях, потому как велико значение фольклора и в зарож-

дении, формировании художественной литературы. Произведения, включающие обработанные устные предания, эпические песни становятся гораздо богаче по своему содержанию, так как несут мысль народную. И писатели, изучающие сказания и легенды своих народов, как это делал Дмитрий Михайлович Балашов, открывают для себя неисчерпаемый клад народной мудрости и обогащают ими свои произведения.

Виктория Борисовна Бакула по приезде домой о своих впечатлениях от Балашовских чтений мне написала следующее: «Балашов — это целое явление в русской жизни. Его особый мир открывается тебе сразу, как только переступаешь порог его квартиры. Дмитрий Михайлович говорил, что русский мужик должен владеть 15-ю специальностями. Он сам, своими руками сделал всю мебель, расписал двери, шкафы, столы, украсил их резьбой. И мне вспоминалось высказывание о Л. Н. Толстом: «Какая глыба. Какой матерый человечище! До этого графа подлинного мужика в литературе не было». И подумалось: есть что-то близкое, корневое, родственное между Толстым и Балашовым. Ведь Балашов, несмотря на свое интеллигентное происхождение, являл из себя образец подлинного русского мужика, из гущи народной. Глыба. Человечище... Это и о нем тоже. И не случайно было у Балашова 12 детей. Да как же не рожать от такого? Не страшно с ним, надежно, вот и рожали женщины, и любили его. Духом силен русский человек...»

Читаю письмо Дмитрия Михайловича, датированное серединой февраля 2000 года: «Сижу дома, не вылезая. Сердце схватывает. Порою кажется, что уже все в прошлом. А меж тем планы грандиозные... Действительно, встретиться бы, поговорить! Приезжай, как будет okazия! Я устраиваю дом, расписал все двери — тоже дело от безделья!..»

Открытие выставки «Балашов — художник» в Центре музыкальных древностей стало важным событием первых Балашовских чтений, на которой было представлено много его художественных работ: рисунки церквей, лики святых, женские образы, зарисовки башен и крепостных стен древних городов. Даже в незаконченных работах Дмитрия Михайловича, пусть прописанных не с точностью до фотографического снимка, чувствовалась теплота живой любви. Как и в небольшой галерее скульптурных произведений. Женские образы, запечатленные рукой мастера, — не камерная пластика, в этих фигурах есть что-то монументальное, вечное, прекрасное...

И тогда же в Центре, откуда ни возьмись, появилась бабочка, просто зачаровавшая всех. На дворе почти зима, а бабочка порхала по залу, опускаясь на плечо то к одному, то к другому гостю выставки. Мне удалось до нее даже дотронуться. Большая, красивая, с яркими красными кругами на темных крыльях. Было в этом что-то мистическое. И

Ольга Николаевна рассказывала, что нечто похожее происходило и на кладбище, когда хоронили Балашова. Машина с гробом в Зеленогорск добралась из Новгорода через Санкт-Петербург семь часов, и все, ожидавшие ее там, на кладбище, обратили внимание на двух собак: черную и рыжую. Собаки как будто тоже ожидали чего-то и также, как люди, волновались. Когда же гроб понесли к могиле, они пристроились позади всех и успокоились. А после похорон Дмитрия Михайловича они легли по обе стороны у холмика и замерли. Позже на могиле Балашова и его матери установили памятник в виде часовенки с укрепленным внутри кованым крестом, сделанным самим Балашовым.

На Балашовские чтения из Петрозаводска приехал и Станислав Панкратов, который был знаком с Дмитрием Михайловичем 40 лет. В своем выступлении он сказал так: «Я не буду говорить, что мы были знакомы, потому что знакомство продолжается. Можно открыть любую его книгу и услышать его голос, его интонации. Помню, когда Балашов в редакции «Севера» впервые поведал о своем замысле написать серию романов о государях московских, я подумал, что у пятидесятилетнего писателя, выражаясь молодежным сленгом, «поехала крыша». Чтобы воплотить этакий замысел, потребовалось бы две-три полноценные жизни... Но это, если касалось бы кого-то другого, но не Балашова. Он дал слово всю серию будущих своих романов печатать в первую очередь в «Севере» и сдержал его, хотя в последние годы авторам практически не платили. Около 20 лет он печатался в этом журнале, его романы занимали, порой, 4—5—6 номеров в год. Жаль, обновленный журнал ему так и не пришлось увидеть...»

Станислав Панкратов не изменил дружбе и в первом номере за 2001 год напечатал завещание Балашова «Россия... Русь... Спаси себя, спаси...»

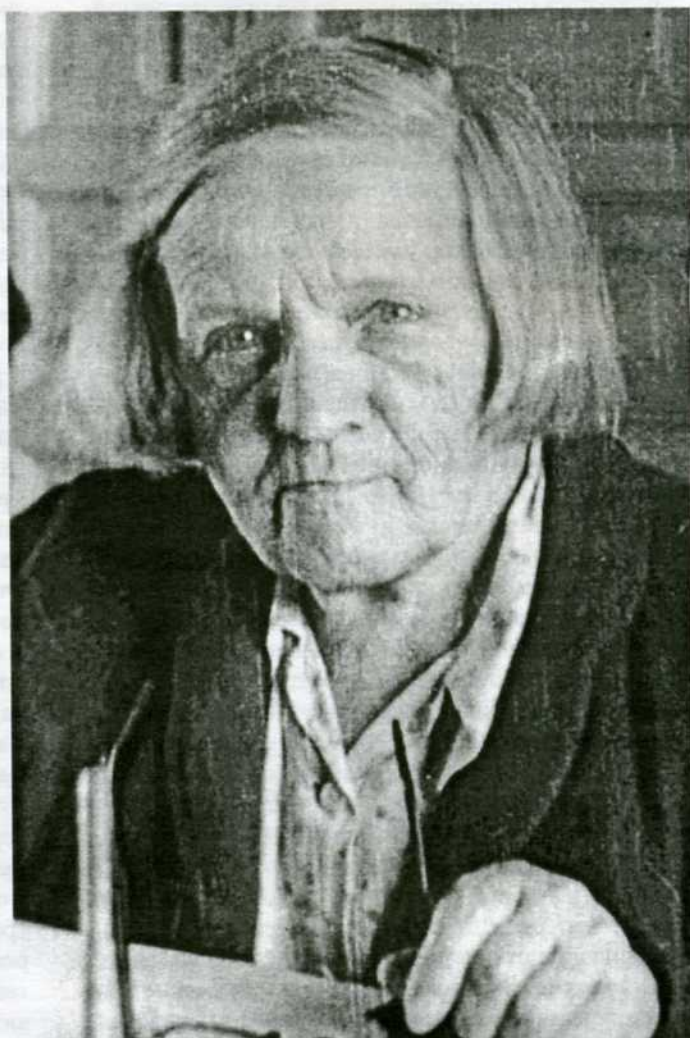
Алексей Пшанский в статье «Без пьедесталов и трибун» писал: «...с точки зрения научных конференций и чтений личность Балашова — учитывая тем более серьезность тематики его творчества и активную гражданскую позицию — выглядит несколько однобоко: большой писатель, горячий публицист, «ум, честь и совесть» и прочее в том же роде. А ведь он был еще и человеком — ярким, увлекающимся и, как всякий талант разносторонним. Что вполне подтверждает великое многообразие его интересов и умений и решительность, с которой он сам себе устраивал повороты судьбы...»

В нашем распоряжении в доме Балашовых еще одна ночь. Ольга Николаевна смеется: «Так, открываем четвертое дыхание». Звучат ее рассказы: «Как познакомились с Балашовым? Да заговорил он меня». И поведала историю их бракосочетания.

Расписывались не торжественно. В загс пришли вдвоем. «Я и так чуть выше Дмитрия Михайловича, — вспоминает Ольга, — а тут еще туфли на

Крест на могиле матери,
сделанный руками Д. Балашова

Анна Николаевна — мать Д. М. Балашова

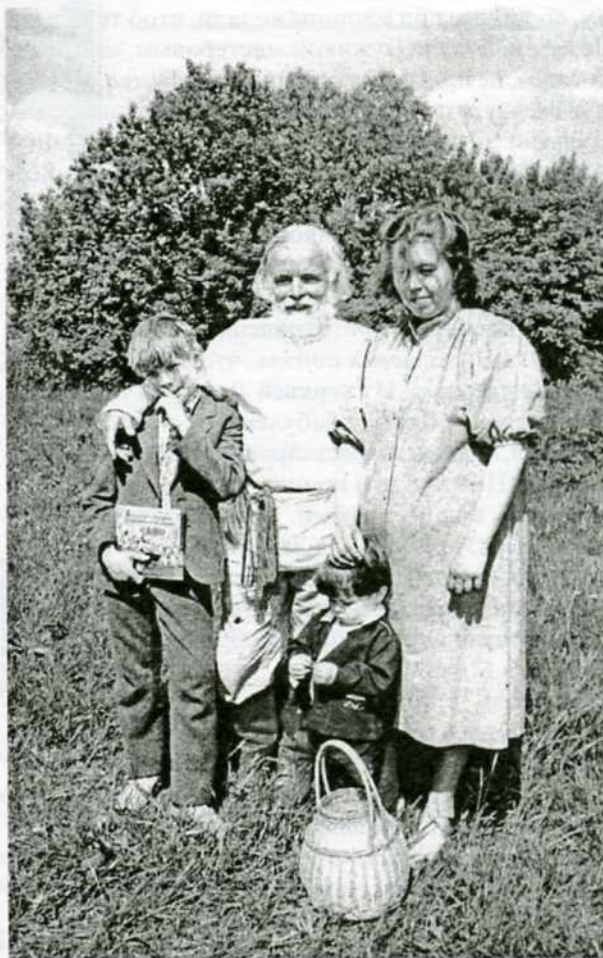
Могилы Д. М. Балашова
и его матери

высоких каблуках надела, да и возраст наш ни в какие рамки не вписывается...» Увидев неординарную пару, средних лет дама из загса занервничала. После слов: «Молодые, обменяйтесь кольцами» заметила, что кольцо одно. Дмитрий Михайлович колец вообще не носил, пальцы отекали, потому и не стал покупать себе. По дороге в загс Ольга Николаевна ему несколько раз напоминала: «Кольцо на правую руку надевай»... Но от растерянности он стал надевать на левую... «Я руку-то отнимаю, и он, вспомнив мои наставления, принялся кольцо снимать... Тут-то оно, как в замедленной съемке, выскользнуло из его рук и покатило под стол. Я гляжу, паркет весь в щелях... Ну, думаю, все. Вижу, как Дмитрий Михайлович с одной стороны стола на четвереньки плюхается, загсовая дама — с другой. Мне же остается только наблюдать, как они по полу в смешных вращениях ползают. Наконец, Балашов и дама поднимаются, и он победно надевает мне на правый палец кольцо. Дама же, видимо, от всех этих неловкостей хватается первый попавшийся паспорт и, не глядя чей, заполняет страницу «Семейное положение», затем ставит печать для обмена и берет другой. Тут мой взгляд падает на надпись «Балашов Дмитрий Михайлович». Я указываю даме. Та с ужасом обнаруживает, что расписала Балашова Дмитрия Михайловича с Балашовым Дмитрием Михайловичем, и давай срочно зачеркивать и вписывать мою фамилию. Дмитрий Михайлович спрашивает: «А что мне с печатью о замене паспорта делать?» Это бедную даму добивает окончательно, и она, избавляясь от нас, уверяет его, что в этом нет ничего страшного и скрывается, попросив у следующих пар пере-
рыв...»

Черные тучи в последнее время все сильнее сгустились над Балашовым. Ждать, что он вот-вот умрет от старости, врагам его не приходилось. В свои 72 года писатель оставался крепким, подвижным. Казалось, старость обходит его стороной. И по неведомой случайности или по ведомой закономерности, подлое убийство свершается в ночь с 16 на 17 июля 2000 года. Ровно день в день десять лет назад из жизни ушел другой русский писатель-историк Валентин Пикуль.

Не пришло в голову спросить у Ольги Николаевны о дате их регистрации, а, приехав домой, в статье Андрея Рискина «Смерть на даче» читаю: «В 1984 г. Балашову сделали из двух одну большую квартиру в тихом уголке Новгорода. Через год он женился, на этот раз в последний раз. Свадьбу сыграли 17 июля (опять мистика?)»

Мне хорошо помнились Балашовские чтения в Оленегорске. Когда школьники выступали с музыкально-литературной композицией, поэт Викдан Синицын поставил к свечке на стол ведущих портрет Дмитрия Михайловича. Свеча была красной, и все увидели, как воск от нее стал стекать на портрет. Слово кровь, капли воска скатывались с его

Д. М. Балашов с женой Ольгой Николаевной и сыновьями — Иваном и Никитой

лба... Тогда это тоже показалось нам не случайностью, а позже узнали, что когда его тело было обнаружено местной милицией, лицо на самом деле было залито кровью...

Помню, в Петрозаводске я спросила его, что, если бы ему предложили жить в Москве, поехал? И получила отрицательный ответ: «Даже не пришевшая политику, не поехал бы. Огромный город всегда делает мизерным любого отдельного человека. А это очень страшно. Не посмотрит Москва и на Дмитрия Балашова, на его имя, на заслуги перед Россией, раздавит».

В третьем Славянском ходе «Мурманск — Великий Новгород — Валдай», посвященном памяти писателей Д. М. Балашова, Б. С. Романова, В. С. Маслова, Ольга Николаевна передала нам для Трифонова-Печенгского монастыря икону Господа Вседержителя, история которой тоже непосредственным образом связана с именем Дмитрия Михайловича Балашова.

Однажды в 60-х годах в Карелии Балашов, зайдя по своим хозяйским делам на скотный двор, заметил брошенную на земле крепкую, прочную дос-

ку, подобные под машины кидали, чтоб те в грязи не вязли. Будучи мужиком мастеровым, заинтересовался, не пригодится ли она в хозяйстве. Колупнул сверху, а под грязью рисунок проглядывается. Схватил доску и домой, а после того, как они с матерью ее отмыли, то увидели лик Господа Вседержителя.

Решение о передаче иконы на Мурман пришло сразу, когда Ольга Николаевна обнаружила, что в ночь убийства мужа была ограблена квартира, а все иконы сняты и приготовлены к выносу. Тогда-то Ольга Николаевна поняла, что еще одной кражи не выдержит. Из церкви Дмитрий Михайлович иконы не брал, у бабулек не покупал. Он их находил, отдавал на реставрацию или реставрировал сам. Потому-то и пришло решение вернуть их все снова в лоно церкви. Одну отдала в Юрьев монастырь, другую — в Зеленогорскую церковь, третью — в приход отца Александра под Ленинград. Икона Господа Вседержителя передавалась на вечное поминание погибшего экипажа «Курска» и Дмитрия Михайловича.

И вновь, в сентябре 2003 года, имя Балашова зазвучало у нас в Заполярье. В рамках поездки победителей Областного литературно-исторического конкурса «Берег России» на Терский берег в селе Варзуга произошло открытие мемориальной доски Балашову, на которое из Новгорода была приглашена вдова писателя Ольга Николаевна. Варзужане встретили и приняли ее как родную, как когда-то принимали Балашова — сердечно и радушно. На варзужской мемориальной доске писателю высечены слова Балашова: «Именно в Варзуге я понял, что такое настоящая русская культура», и это не праздная фраза, это начальный этап становления позже большого русского писателя.

Дмитрия Михайловича не стало. Мне не верится. Я разговариваю с ним, как с живым, и по сей день. Слушаю его голос, записанный на пленку, читаю в письмах его наставления: «Попробуй сперва рассказывать беспощадно, на время забыв о печати, цензуре, приличиях — обо всем. Ежели сразу

себя ограничивать — ничего не выйдет. Литература это всегда открытие и дерзость». Вспоминаю его детские василькового цвета глаза, молодое, без явных морщин лицо, которое необыкновенным образом будто бы светилось изнутри, какую-то внутреннюю, не видимую для многих незащищенность его души. Здесь люди не должны путать с духом, который был у писателя больше, чем просто сильным.

Он остается жить в нас своими произведениями, словом правды, жить в проводимых в Новгороде Балашовских чтениях. И с каждой поездкой в Великий Новгород происходит новая встреча с великим писателем нашей эпохи — писателем пассионарием — Дмитрием Михайловичем Балашовым.

Славянский ход в память писателей
Д. Балашова, Б. Романова, В. Маслова